

А. Б. СОКОЛОВ

КЛАРЕНДОН КАК ИСТОРИК

В статье рассмотрены обстоятельства создания лордом Кларендоном своего самого знаменитого труда «История мятежа и гражданских войн в Англии» и прослежена эволюция взглядов историков на это произведение.

Ключевые слова: Кларендон, гражданская война в Англии, роялизм, историография.

Эдуард Гайд, граф Кларендон, будучи одной из самых заметных фигур в бурной истории Англии XVII века, являлся, по выражению одного американского историка, «аутсайдером», то есть не был полной и гармоничной частью тех фракций, к которым принадлежал. Общась на протяжении жизни в основном с аристократами, он по рождению аристократом не был, хотя родился в благородной, состоятельной, обладавшей высокими связями дворянской семье в графстве Уилтшир. Если вспомнить хорошо известную антитезу британского историка Х. Тревор-Ропера о «дворе» и «стране» в стюартовской Англии, то можно сказать: он был в каком-то смысле представителем «страны» в высоких кругах, и сам говорил, что «хороший государственный деятель и придворный должен черпать свои принципы и мудрость из знания и понимания страны». Гайд занялся изучением права — стезя, привлекавшая многих людей его положения. Его интеллектуальное становление связано с участием в кружке молодых людей, который собирался в имении Грейт Тью, принадлежавшем Люсию Кэри, лорду Фолкленду. Гайд был не единственным из них, кто оказался вовлеченным в политику и гражданскую войну, но только он вошел в политику не по наивности и в эмоциональном порыве, а с осознанием необходимости компромисса, придерживаясь сформулированного в иные времена принципа «политика — это искусство возможного».

Накануне гражданской войны Гайд был противником королевского абсолютизма, но в 1642 году перешел на сторону короля, сочтя требования парламента чрезмерными. Конкретные мотивы этого перехода остаются загадкой — Кларендон в своем сочинении их не раскрыл. В общем виде, монархия была для него необходимой частью правильного баланса в управлении, и ее следовало защитить. Однако он был слишком последовательным конституционалистом, чтобы чувствовать

себя в лагере короля Карла комфортно. Карл разделял его религиозные идеи и приветствовал последовательную приверженность англиканству, но не мог принять его возражений против чрезмерного усиления монархии. Умеренная позиция Гайда в королевском совете вызывала недовольство со стороны католиков, шотландцев, ирландцев, Генриетты-Марии, эмигрантов. По словам его друга сэра Эдварда Николаса, «он обладал везением быть одинаково нелюбимым теми, кто не соглашался между собой ни в чем другом». Уже в 1645 г. Карл, тяготившийся Гайдом, был рад отослать его ко двору старшего сына принца Чарльза.

Триумф Гайда-политика пришелся на 1660 год, когда он был главным со стороны роялистов «переговорщиком» по вопросу о восстановлении стюартовской монархии. По словам американского историка Браунли, «английская история могла пойти совершенно другим путем, если бы с середины 1650-х гг., а особенно в 1660 г. главным советником Карла II был другой человек. Как ведущий переговорщик со стороны роялистов он обеспечил то, что Англия осталась монархией. В то же время его условия признавали права и участие парламента в управлении. Кроме того, он восстановил первенство закона, серьезно подорванное во время событий 1640–1660 гг. После Реставрации его настойчивость в том, чтобы, в целом, амнистировать за действия, совершенные в прошлом, заложила твердую основу долгого процесса выздоровления и объединения нации»¹. Знаменитый английский писатель XVIII века Горас Уолпол назвал Кларендона «канцлером с человеческой душой». Однако его триумф был недолгим, вместо ожидаемой стабильности и процветания началась борьба фракций. Карл II, как раньше его отец, тяготился Кларендоном, считавшим, что политика и мораль неотделимы. Еще в эмиграции Гайд осуждал неправильное поведение Карла и ряда его приближенных, а после Реставрации беспрестанно ворчал по поводу пренебрежения государственными делами во имя удовольствий. В условиях острой политической и фракционной борьбы в годы Реставрации найти повод для обвинений было не сложно. Враждебная Кларендону группировка во главе с Арлингтоном возлагала на канцлера, кроме прочего, ответственность за поражения в войне с Голландией. Королю нашептывали, что он причастен к организации брака своей дочери Анны с наследником престола Джеймсом, герцогом Йоркским (будущим королем Яковом II). В 1667 г. после обвинений со стороны палаты общин и под угрозой суда отправленный в отставку Кларендон покинул Англию, и через несколько лет, в 1674 г., скончался во Франции. Историк Браунли заметил: «Как еще до Гайда

¹ *Brownley*. 1985. P. 106.

ощутили Бэкон и Страффорд, семейство Стюартов отличалось отсутствием способности ценить своих лучших советников»².

Перипетии жизни Кларендона, его позиция, зачастую расходившаяся с мнением тех, кто его окружал, в том числе, его патронов, то обстоятельство, что он, по словам Браунли, «оставался интеллектуалом среди адвокатов и адвокатом и политиком среди интеллектуалов», имеют ключевое значение для понимания его как историка. К сожалению, особенности его биографии зачастую недооценивались исследователями, что приводило к односторонним и подчас несправедливым оценкам. Даже такой компетентный историк, как Н.А. Ерофеев, видел в нем исключительно представителя «крайне правого, монархического лагеря», сформулировавшего «крайне примитивную ультрареакционную концепцию», которая «весьма несложна» и сводится к тому, чтобы «вычеркнуть само понятие революции из истории Англии», вкупе со стремлением оправдать собственную политическую деятельность³. Даже принимая во внимание, когда это было написано, характер публикации и тот очевидный факт, что апология революций являлась основополагающей идеей советской историографии, все же удивляешься тому, как расставлены акценты. Впрочем, и в Англии к «Истории мятежа» Кларендона в течение длительного времени преобладало скептическое отношение.

Общепризнано, что «История мятежа» – выдающееся историческое сочинение. Немало тех, кто оказался вовлеченными в события гражданских войн и междуцарствия, оставили мемуары. Но и в этом отношении Кларендон оказался в особом положении. На его сочинение сегодня смотрят не столько как на мемуары, сколько как работу историческую, потому что он сумел в какой-то степени дистанцироваться от событий, посмотреть на них, конечно, не беспристрастно, но с долей стремления к объективности. В этом отношении обстоятельства его жизни и карьеры, положение «аутсайдера», сыграли свою роль.

Кларендон писал свой труд во время двух изгнаний, между которыми прошло двадцать лет. Он приступил к его написанию 18 марта 1646 г. На островах Скайли и Джерси в 1646–48 гг. он написал целиком первые семь книг (на самом деле их было шесть, и впоследствии, чтобы избежать пропуска в нумерации, автор разделил первую книгу на две). Они охватывают период от воцарения Карла I в 1625 г. до зимней кампании 1643/44 г. На Джерси он приступил к написанию восьмой книги. С самого начала Гайд воспринимал будущее произведение не как авто-

² Ibid. P. 81.

³ Историография нового времени стран Европы и Америки. С. 33–34.

биографию, а как описание событий, поэтому пытался получить материалы от других лиц. Недосток таких материалов заставлял его в большей степени, чем он хотел, опираться на собственную память. Присоединившись к Чарльзу, покинувшему английские владения в 1648 г., Кларендон приостановил работу над книгой, возможно, чувствуя недостаток первичной информации.

Оказавшись во Франции во втором изгнании в 1667 г., Кларендон не имел при себе первоначального текста. В преклонном возрасте, лишенный средств, страдающий от подагры, он пишет в течение 1668–1670 гг. «Историю жизни Эдуарда, лорда Кларендона, от рождения до реставрации королевской семьи в 1660 году», т.е. автобиографию. Она предназначалась не для публикации, а только для членов его семьи, с которой он до самой смерти надеялся воссоединиться. Только в 1671 г. его сын Лоуренс (позднее граф Рочестер) получил от Карла II разрешение посетить отца, он и привез ему рукопись первоначальной «Истории», а также записки Уолкера, часть переписки Карла I и некоторые другие материалы. После этого Кларендон смог вернуться к первоначальной идее написания «Истории»; он соединил разделы, написанные на острове Джерси, с разделами «Истории жизни», добавил новые разделы с главным намерением – отойти от личной перспективы в изложении. В 1672 г. окончательный текст «Истории мятежа», состоящий из шестнадцати книг, был завершен.

Глубокое исследование структуры и принципов построения «Истории мятежа», не утратившее своего значения до настоящего времени, было осуществлено в начале XX в. Чарльзом Фиртом, хотя его интерпретация концепции Кларендона не всем представляется убедительной. Вкратце, Фирт утверждал, что окончательный вариант «Истории мятежа» был составлен Кларендоном следующим образом. Книги первая и вторая в основном взяты из автобиографии. В первой только 31 секция из 213 взята из первоначальной «Истории», во второй 48 из 130. Напротив, следующие книги в большей степени составлены на основе раннего текста: в третью книгу включено из автобиографии 82 параграфа из 271; в четвертую – 82 из 358; в пятую – 40 из 419; в шестую – 49 из 412; в седьмую – 67 из 416. Как правило, эти позднейшие вставки отражают события, не отмеченные в первоначальном тексте, но в двух случаях (шотландское восстание и Короткий парламент) в окончательном варианте оказались более полные разделы из автобиографии. Добавились также не менее 50 исторических портретов, которых не было прежде. Фирт полагал, что процесс компилирования был не всегда тщательным, он привел два примера противоречащих друг другу отрывков (о билле о милиции и о назначении Лансфорда комендантом Тауэра). Процесс

написания 8–16 книг проходил иначе. Чтобы дополнить автобиографию, Кларендону пришлось написать большое число отрывков разного объема, которые и были включены в окончательный вариант сочинения. В каждой последующей книге объем, количество и значение новейших вставок сокращалось по сравнению с тем, что было взято из «Истории жизни». По мнению Фирта, отрывки, взятые из автобиографии, «в высшей мере не заслуживают доверия».

Наиболее проверенным, академическим, до нашего времени остается издание книги Кларендона, осуществленное У. Данн Макреем в 1888 г. В его шесть томов вошли все 16 книг Кларендона. Составитель в течение четырех лет выверял предыдущее издание 1849 года по рукописи работы, хранящейся в Бодлеанской библиотеке, внося ряд уточнений и исправлений, о которых сообщил в предисловии. Были восстановлены выражения, откорректированные предыдущими редакторами, уточнено расположение параграфов, написание имен и географических пунктов, переработан индекс. Он также дал датировку описываемых событий, «когда это было возможно». Завершая предисловие, Макрей писал, что первая книга, которую он купил для себя, была «История мятежа»; через 50 лет ему «выпала удача сверяться с авторским манускриптом, испытывая от этого удовольствие, и представить публикацию этой книги в некоторых отношениях в более приемлемой форме». Фирт считал: с научными целями можно использовать только данное издание, но не предыдущие издания 1826 и 1849 гг. Издание Данн Макрея дважды переиздавалось репринтным способом в XX в.: в 1958 и 1969 гг. В первый том Макрей включил предисловия к первому трехтомному изданию (вышло в 1702–1704 гг.), написанные сыном автора лордом Рочестером. В них не только указывалось на высокие достоинства Кларендона, являвшегося верным советником Карла I и Карла II, и на достоинства его сочинения, в котором обосновывается важность гармоничных отношений между короной и народом, не только отмечалось «некоторое жестокосердие» монарха, изгнавшего из Англии человека, столь много сделавшего для устройства Реставрации. В них «История мятежа» актуализирована в историческом контексте начала XVIII века в связи с борьбой высокоцерковников и низкоцерковников и угрозой республиканизма, которую Рочестер считал реальной. Наиболее известная публикация отрывков из «Истории мятежа» и автобиографии осуществлена Г. Хунном в 1955 г. (переиздавалась в 1956, 1966 и 1968 гг.).

Цель данной статьи состоит в анализе оценок, которые давались «Истории мятежа» в историографии. Поскольку в рамках статьи невозможно сколько-нибудь полное рассмотрение самой книги, ограничимся,

в основном, обращением к тем ее местам, которые вызвали наибольшие споры историков: мотивы написания произведения, оценка политики «клики Пима», ход гражданской войны на юго-западе, причины Реставрации Стюартов. По-разному исследователи оценивали значимость историко-психологических портретов, созданных Кларендоном. Большая часть данной статьи – это «диалог» между Кларендоном и его главным оппонентом Чарльзом Фиртом, к которому затем «присоединяются» другие исследователи его творчества.

Несомненно, что историографические оценки претерпевали эволюцию. В историографии «Истории мятежа» выделяются два подхода, которые можно назвать «критическим» и «защитным». До утверждения позитивистского взгляда на историю как науку во второй половине XIX в. ее основное значение видели в нравственных уроках, которые дает знание прошлого. Поэтому неудивительно, что свидетельства Кларендона вызывали доверие, а наиболее привлекательной частью его работы считались написанные им исторические портреты многих деятелей эпохи революции. Например, один из представителей «моральной философии» начала XIX в. Уильям Бурдон утверждал, что Кларендон «превзошел всех историков в силе изображенных им характеров», и сопоставим в этом отношении только с Шекспиром⁴. В историографии XIX века утверждалось отношение к мемуарам как к источнику второстепенному, не заслуживающему полного доверия. Такое представление повлияло на отношение к «Истории мятежа», которая воспринималась как сочинение отчасти автобиографическое. Доминирующую роль в утверждении «критического» подхода сыграла упомянутая выше статья Чарльза Фирта. Почти через восемьдесят лет после ее появления английский историк Рональд Хаттон заметил, что «время не ослабило силы критики сэра Чарльза», утверждавшего: одни разделы «Истории мятежа» заслуживают намного меньшего доверия, чем другие⁵.

Фирт отмечал у Кларендона три мотива к написанию «Истории мятежа». Один заключался в сохранении памяти о гражданской войне, в том, чтобы снабдить будущих историков материалами. Другой мотив состоял в защите Карла I, в восстановлении его репутации. Фирт утверждал, что первоначально он совсем не был ведущим; только в 1671 г., в предисловии к девятой книге, автор представлял его таковым, возможно, в надежде на милость Карла II и разрешение вернуться к семье. Однако главной была *дидактическая* задача: потомки должны были

⁴ Burdon. 1820. P. 92.

⁵ Hutton. 1982. P. 70.

сделать выводы на основании анализа причин конфликта и не допустить прежних ошибок. Он заявил: «Гайд писал не просто, чтобы отметить политические ошибки прошлого, но чтобы предложить правильную политику в будущем»⁶. Кларендон рассматривал свое сочинение как урок королям и королевским советникам, как источник, позволяющий извлечь информацию об ошибках и получить своего рода инструкции для управления. С одной стороны, это позволяло Фирту рассматривать «Историю мятежа» не только как источник, но и как историческое сочинение. С другой стороны, это определило слабости сочинения Кларендона. Как историк-позитивист начала XX века Фирт считал, что стремление Гайда к научению следующих поколений вело к утрате объективности и снижению ценности его сочинения. Здесь уместно вспомнить критику современника Фирта французского историка Альфонса Олара в адрес Ипполита Тэна и других авторов, относимых им к «литературной школе»: «Лишь очень недавно во Франции образовалась группа писателей и профессоров, которые стараются заменить старую школу, называемую ими литературной, – школу, видевшую в истории Французской революции, прежде всего, удобный случай для назидательной проповеди или для интересного рассказа, школой, которая называется научной. Настаивая на тех фактах, которые очевидно и несомненно оказывали известное влияние, и оставляя в тени все остальные, мы желали выяснить объективно главнейшие стороны эволюции французского общества в тот период насильственных преобразований, который называется революцией»⁷. Хотя здесь речь идет о другой революции (и само это слово Гайдом не употреблялось), очевидно: Ч. Фирт критиковал его с тех же позиций, что и Олар своих оппонентов; он полагал, что названный и неоднократно подчеркнутый им *дидактический* подход Кларендона вредит объективности и непредвзятости.

Историки-позитивисты, казалось, искренне не замечали, что их «объективность» также служит прикрытием собственных интерпретаций, т.е. по существу тех же назиданий. Критика Фиртом Кларендона свидетельствует о его принадлежности к либерально-вигской историографии, к школе С. Гардинера, которого он обильно цитирует в своей статье; в вигской историографии выработался взгляд на сочинение Кларендона как на труд односторонний в консервативном отрицании революции. Так ли это?

⁶ Firth. 1904. Part I. P. 44.

⁷ Олар. 1902. Предисловие автора к русскому изданию.

Слово “posterity” – первое существительное в тексте книги: «Будущие поколения под влиянием торжествующего озлобления нашего времени могут не избежать мнения, что не менее чем общее соучастие и всеобщее отступничество нации от религии и верности, могло за столь короткое время привести к таким тотальным и чудовищным изменениям и смуте в целом королевстве. Память о добродетели тех немногих, кто, подвергаясь гонениям и упрекам, по обязанности и по чувству сопротивлялся ломающему течению, может быть утрачена; для их защиты может не оказаться лучшего времени, поэтому бесполезно (если не для осознания, то для любопытства) представить миру полное и ясное описание причин, обстоятельств и перипетий этого восстания»⁸. Кто эти люди, противостоявшие общему течению, память о которых требовалось сохранить? То ли речь идет о тех, кто стал под королевские штандарты, то ли об относительно узкой политической группировке, противостоявшей крайним радикалам из обоих лагерей, к которой Гайд себя причислял? Второе предположение кажется более подходящим, и оно никак не укладывается в представление о Кларендоне как защитнике реакции.

Основываясь на утверждении о *дидактической* направленности сочинения Кларендона, Фирт выдвигал в его адрес немало претензий, как в связи с интерпретацией конкретных событий, так и более общего и структурного свойства. Фирт утверждал: в описании многих событий и лиц Гайд руководствовался стремлением защитить себя, подтвердить правоту собственных действий. Фирт полагал, что односторонность и необъективность Гайда более всего проявилась в описании им двух первых сессий Долгого парламента. Автор «Истории» действительно полагал, что вина за то, какой ход приобрели события, лежала на фракции (им чаще всего используется слово *faction*, клика), главную роль в которой играли Пим и Гемпден. Люди, которые полгода назад (то есть в Коротком парламенте) проявляли умеренность и предлагали мягкие способы лечения, чтобы «не бередить раны глубоко», с первых же дней Долгого парламента заняли диаметрально иную позицию. Пим, по словам Гайда, говорил ему, что «теперь недостаточно прибрать пол в доме, а надо сбить паутину вверху и в углах, чтобы не оставить в нем никакой грязи». Первым объектом атак этих людей стал человек, который когда-то был защитником и поборником свобод народа, но уже давно «предал эти принципы и по природе отступничества стал великим врагом этих свобод и главным поборником тирании, каких только видели времена»⁹.

⁸ Clarendon. V. I. P. 1.

⁹ Ibid. P. 222–223.

Речь шла, конечно, о Страффорде. Считая лидером этой группировки Пима, «склонного к пуританской партии», Гайд указывал и на лорда Сэя, человека с замкнутым характером, способного и амбициозного, много лет «являвшегося оракулом для тех, кого называли пуританами в худшем смысле слова», отъявленного врага англиканской церкви¹⁰. Гемпден обладал особой способностью убеждать: он никогда не начинал дискуссии и не был многословен, но выступал, только выслушав других, и коротко и точно формулировал свой аргумент. Если он чувствовал, что его позиция не будет принята, то предпочитал перенести дискуссию на другое время¹¹. Хотя Гемпден был вождем враждебной Гаиду партии в палате общин, он признавал в нем благородство, авторитет, завоеванный еще в борьбе против корабельных денег. Известный сначала приверженностью к богатой жизни и удовольствиям, он обратился «к чрезвычайной умеренности и строгости». Здесь видна характерная черта исторических портретов Гаида: он почти всегда стремился к взвешенным и сбалансированным оценкам. К герцогу Бедфорду у Гаида было более мягкое отношение: он полагал, что если бы не безвременная смерть герцога, казнь Страффорда могла быть предотвращена в случае предоставления ему и его сподвижникам постов в королевской администрации. Хотя Гайд об этом не сообщает, некоторые историки утверждали, что он мог быть одним из голосовавших за осуждение Страффорда, но позднее искал пути сохранения ему жизни.

Главным инструментом клики Пима было манипулирование чувствами и страхами парламентариев: «В палате общин было много мудрых и уравновешенных людей, богатых и состоятельных, хотя и недостаточно преданных Двору, но обладавших чувством долга к королю и привязанностью к правительству, основанному на законе и древнем обычае. Несомненно, что основная часть этих людей не помышляла нарушить мир в королевстве или внести существенные перемены в управление церковью и государством. Следовательно, в начале всего была работа с этими людьми, направленная на то, чтобы разложить их сообщениями об опасностях для всех, дорожащих свободой и собственностью, о попрании и извращении законов, утверждении абсолютной власти, благоволении папизму в ущерб протестантской вере. Одним внушали эти чудовищные идеи, других пугали, будто их прежние поступки вызывают вопросы, а защиту дадут только они, у третьих будили надежду, что сотрудничество с ними даст должности и звания и любого

¹⁰ Ibid. P. 241.

¹¹ Ibid. P. 245.

рода поддержку в продвижении»¹². Ниже Кларендон не раз возвращался к изображению негодных методов клики: «Они пользовались всеми способами, чтобы отравить сердца и чувства людей, подавить всех тех, кому, как им казалось, не нравились их действия. К тому же в наиболее населенные города и приходы были направлены священники и проповедники, известные ненавистью к церкви и государству»¹³. Страхи, возбуждаемые кликой Пима, были, как считал Гайд, бесосновательными: например, Карл I, «в самом деле, желая, чтобы парламенты собирались чаще, без колебаний подписал Акт о трехгодичном парламенте», хотя в нем содержались положения, ущемлявшие монархические принципы¹⁴. Армейский заговор, облегчивший парламенту суд над «несчастливым» Страффордом и создавший атмосферу подозрительности, Гайд считал плодом воображения клики и частью ее пропаганды. Чтобы ускорить вынесение обвинительного приговора королевскому министру в палате лордов, в «качестве лучшего аргумента» были вывешены бумаги с именами коммонеров, не поддержавших билль, на которых было написано «стратффордианцы, или враги своей страны». Продолжавшиеся в начале мая 1641 года в течение нескольких дней беспорядки в столице, «акты наглости и бунтовства», заставившие одних пэров не участвовать в заседаниях, а других изменить мнение в угоду толпе и палате общин, тоже произошли, по Гаиду, благодаря партии Пима. Характеризуя ситуацию, сложившуюся весной 1641 года, Гайд говорил о «превалировании клики в обеих палатах», «неистовстве и ярости народа», проповедях «схизматических священников с их алтарей», «страхах и ревности, внедренных в головы здравомыслящих людей разговорами о бывшем заговоре», о том, что «ни один честный человек не решался говорить о сочувствии королю из страха быть уничтоженным». «Безумное неистовство» народа заставляло опасаться, что «нечестивые руки» протянутся к королю, его супруге («что имело для него гораздо большее значение»), а уверенности в надежности армии не было¹⁵.

Гайд, как правило, не выдвигавший в повествовании себя на первый план, в этом случае подчеркнул свою роль в противодействии принятию «Великой Ремонстрации», которая была принята, вопреки ожиданиям, например, Кромвеля, с минимальным перевесом в одиннадцать голосов. Это привело к тому, что клика «возненавидела мистера Гаюда

¹² Ibid. P. 244.

¹³ Ibid. P. 591.

¹⁴ Ibid. P. 279.

¹⁵ Ibid. P. 340.

больше всех» и хотела от него избавиться¹⁶. Так называемая «королевская партия» в парламенте, утверждал Гайд, не была связана с двором, в нее входили состоятельные люди, пользовавшиеся авторитетом в своих графствах, известные своим рвением в отстаивании законных прав и всегда противостоявшие незаконным требованиям. Принятие Ремонстрации поставило их перед выбором: замолчать, покинуть страну или оказаться под угрозой суда и Тауэра¹⁷. По сути, в этих словах кроется объяснение перехода Гайда на сторону короля. К мысли о том, что к манипулированию и угрозам со стороны Хунты (так еще называли фракцию Пима современники) добавлялось отсутствие гражданской стойкости членов парламента, как коммонеров, так и лордов, понимавших провокационный характер ее требований, Кларендон возвращался не один раз. Он «не мог найти оправдания» тем, кто с самого начала деятельности Долгого парламента «по лености, пренебрежению, непостоянству или усталости воздерживался от посещения заседаний, когда число тех, кто действительно намеревался произвести эти чудовищные перемены, было очень невелико». Автор не мог оправдать пэров, умеренная часть которых составляла в палате пропорцию 4:1, поскольку они «позволили себя надуть, убедить, испугать ничтожной группе людей, которую поначалу могли легко сокрушить»¹⁸.

Считая все эти утверждения Кларендона предвзятыми, Фирт объяснял их стремлением защитить действия маленькой партии «конституционных роялистов», лидером которой он был, партии, перешедшей на сторону короля: «Чтобы объяснить это, ему потребовалось показать, что не король, а Долгий парламента намеревался отбросить старую конституцию, и этот тезис лежит в основе презентации им фактов»¹⁹. Гайд обвинил лидеров парламента, Хунту, в организации заговора и подстрекательстве толпы. Фирт отмечал, что в этом тезисе не было ничего нового, поскольку он был в основе написанной Гайдом декларации о созыве королем парламента в Оксфорде (анти-парламента, как назвал его Фирт). Фирт не удержался от того, чтобы дать собственную интерпретацию событий, вполне совпадающую с уже утвердившейся либерально-вигской концепцией: «Какова степень правды в такой репрезентации фактов? Был ли разрыв между королем и народом просто результатом махинаций нескольких амбициозных людей? Напротив, есть всеобъем-

¹⁶ Ibid. P. 421.

¹⁷ Ibid. P. 442–443.

¹⁸ *Clarendon*. V. II. P. 192.

¹⁹ *Firth*. 1904. P. 35.

лющие свидетельства глубины и реальности чувств, которые Гайд хотел приписать манипуляциям парламентских лидеров. «Страхи и подозрительность», которые он считал беспочвенными, базировались на очень солидном фундаменте фактов. Двуличие короля и его повторявшиеся попытки применить силу сделали доверие невозможным, вынуждали палату общин постоянно требовать новых уступок и большей безопасности, привели общество в лихорадочное состояние»²⁰. Пристрастность и односторонность Гаида проявилась в стремлении если не умолчать полностью, то минимизировать значение эпизодов, подтверждавших опасный и антиконституционный характер политики короля. Это касалось, например, армейского заговора, споров о коменданте Тауэра и, конечно, попытки арестовать пять членов парламента.

Другая очевидная для Фирта слабость Гаида проявилась при описании военных событий, поскольку сам он в них не участвовал и плохо их понимал. Чтобы получить нужные данные, он обращался к ряду роялистов с просьбой снабдить его меморандумами, но эти обращения редко встречали отклик. В результате «многие события гражданской войны рассмотрены им в поверхностной и небрежной манере»²¹. Исключение составляет лишь ход войны на западе Англии – в этом отношении он располагал нужными документами. По мнению Фирта, само по себе стремление получить свидетельства от других лиц говорит о том, что Гайд воспринимал свой труд именно как историю, а не как мемуары, однако это отнюдь не гарантировало достоверности. Так, он возлагал вину за неудачи на западе в 1645 – начале 1646 г. на лорда Джорджа Горинга (младшего) и сэра Ричарда Гренвилла, игнорируя то, что эти два командира сообщали о сложностях своего положения, рассчитывая на помощь со стороны двора.

Действительно, на многих страницах сочинения Гаида Горинг и Гренвилл удостоивались нелицеприятных оценок. Горинг предстает как отрицательный персонаж. Неудачу в осаде Таунтона автор объяснял бездеятельностью Горинга, его «природной наблюдательностью» (в этих словах видна ирония), его амбициями и стремлением получить командование войсками на западе в собственные руки. Отступление Горинга от Бриджуотера стало настоящим поражением: клобмены и местный народ буквально атаковали войско, нападая на отставших и уставших солдат. Страх и недовольство среди его людей были так велики, что половина его

²⁰ Ibid. P. 37. Обратим внимание на характерное для историков-позитивистов использование понятия «факт».

²¹ Ibid. P. 46.

армии была не готова сражаться²². В начале октября 1645 года, получив деньги в Девоне от местных властей, Горинг не смог обеспечить солдат и предотвратить акты мародерства и бесчинства. В Корнуолле появление войск Горинга и его действия вызвали такие протесты, что колокольный звон призывал жителей к восстанию и изгнанию их; «такими неслыханными и нежелательными способами страна вовлекалась в ненависть к Горингу и его солдатам, жители готовы были присоединиться к восставшим, они отчуждались от духа сопротивления врагу»²³. Кларендон ссылаясь на мнение тех, кто полагал, что вступи Горинг «в дружбу с врагом, предай он запад, это не привело бы к худшим последствиям, чем отсутствие у него интереса к прямым действиям, которые были ему по силам. Они лучше оценивали его ум, храбрость и поведение, чем совесть и честность; в последнем они и видели причины неудач»²⁴.

Анализируя во второй части статьи автобиографию, которую Гайд писал во время второго изгнания, Фирт в качестве исходного пункта принимал то, что она составлялась исключительно для членов семьи, а не для широкого круга, поэтому автор считал себя более свободным в высказывании критики в отношении каких-то лиц. Свою роль могли играть и обиды Кларендона. Так, в описании характера Карла I он отмечал, что тот не обладал «чертами и качествами, которые делают некоторых королей великими и счастливыми». Неуверенность короля в себе вела к тому, что он принимал советы людей, которые были куда менее проницательны в делах, чем он сам. Одним из таких дурных советников Кларендон считал лорда Дигби, крайнего роялиста, который стал государственным секретарем после гибели лорда Фолкленда в 1643 г. и оставался главным советником короля в последующие годы первой гражданской войны. Гайд ценил чувства Карла к королеве, но полагал, что тот излишне доверял ей и слишком прислушивался к ее мнению. Например, под ее давлением король отправил в отставку лорда Эссекса. После этого Эссекс счел себя свободным от обязательств, перешел на сторону враждебной партии и фактически создал парламентскую армию: «У тех, кто знаком с обстоятельствами и настроением того времени мало сомнения в том, что две палаты парламента не смогли бы собрать армию, если бы граф Эссекс не согласился стать ее командующим»²⁵. Такого же рода ошибкой было необоснованное доверие Карла к своим племянникам Руперту и Морису.

²² *Clarendon*. V. IV. P. 62.

²³ *Ibid.* P. 105.

²⁴ *Ibid.* P. 101.

²⁵ *Clarendon*. V. II. P. 16.

Рассмотрим два портрета, созданных Кларендоном: Карла I – ниже – Кромвеля, главных героев смуты, фигуры которых олицетворяют обе стороны конфликта. Казалось бы, принадлежность Кларендона к роялистскому лагерю предопределяла его позицию. Однако по этим портретам видно, что автор стремился быть честным; его задача не заключалась в том, чтобы написать икону или карикатуру, а создать образ человека, каким он его представлял, со свойственными ему сильными и слабыми сторонами. Тем не менее, в литературе высказывалось мнение, что портрет короля, возможно, относится к числу самых формальных, ибо в нем черты личности не выглядят индивидуально. У Кларендона он – «честный человек», «поборник справедливости», именно чувство справедливости заставляло его поступать так, как он поступал; «от природы нежный и сочувствующий», чуждый жестокосердию, «пунктуальный в привычках и постоянный в убеждениях», бесстрашный, но не очень предприимчивый, нетерпимый к распутству и попойкам. Нежелание действовать жестко, даже в «делах кровавых», вытекало из склонности к милосердию и мягкости натуры; часто вопреки даже обоснованным советам он выбирал самый мягкий способ действия. Так, он не воспользовался возможностью жестоко подавить недовольство в Шотландии во время первого похода. Кажется, что «неумеренную любовь» к шотландцам Кларендон, относившийся к этой нации с подозрением, ставил королю в вину. «Так много удивительных обстоятельств способствовали его падению, что можно подумать, будто небеса, земля и звезды предопределили его», – замечал историк. Однако причина падения крылась в том, что верными ему остались лишь немногие, большинство слуг предало его, многие из них от страха перед теми, кто захватил власть в парламенте. Кларендон завершал характеристику Карла I так: «Он был достойнейшим джентльменом, лучшим хозяином, лучшим другом, лучшим мужем, лучшим отцом, лучшим христианином из всех людей его времени. И даже если он не был лучшим королем, если ему не хватало каких-то качеств, делающих некоторых королей великими, ни один другой правитель не был бы несчастен, если бы он обладал хотя бы половиной его добродетелей и достоинств, и таким же отсутствием пороков»²⁶. Несмотря на долю критики, образ Карла привлекает, а не отталкивает. Любопытно, что историки ревизионистского направления в современной историографии, во многих случаях «прислушивавшиеся» к мнению Кларендона, отношение к Карлу не разделяли. К. Рассел понимал характер короля иначе: его Карл упрям, он обладал «туннельным зрением», т.е. не был способен посмотреть на про-

²⁶ *Clarendon. Selections.* P. 309–319.

блему с разных точек зрения. Фактор характера Карла историка ревизионистского направления (за единичными исключениями) считали значимым в возникновении гражданской войны²⁷.

Подчеркивая значение исторических портретов, созданных Кларендоном, и их привлекательность для современников, Фирт высказал мысль о том, что энтузиазм историка в этом отношении не просто вытекал из особенностей его литературного таланта, но отражал понимание им причин революции и последующего хода событий: «Не прослеживая, какие общего рода причины привели к восстанию, отвергая потребность глубже посмотреть на его истоки, он часто переоценивал влияние личностей и личных причин»²⁸. Позиция Фирта отражает сложившуюся в либеральной историографии концепцию Английской революции, частью которой являлось представление о долговременном (по крайней мере, от воцарения Стюартов в Англии) характере ее предпосылок. Во время написания автобиографии желание автора создавать портреты участников событий было большим, чем в период работы над первоначальным текстом. Тем не менее, Фирт полагал, что автобиография заслуживает меньшего доверия по той причине, что во Франции Кларендон был уже не молод, память могла его подводить, а достоверных источников под рукой у него не было. Иначе судил о психологических портретах Кларендона М. Браунли, который отмечал, что тот отдавал абсолютный приоритет не описанию внешности, а характеристике внутренних качеств, и сумел найти возможность для включения портретов в текст таким образом, что они выглядят его важной и естественной частью. По утверждению Браунли, до Кларендона такое умение проявил только Тацит, у иных авторов, например, Светония, история превращалась в биографию. Ф. Бэкон поместил портрет Генриха VII в конце своего труда, вовсе «вырвав» его из повествования.

Как Кларендон оценивал Кромвеля? Если портрет Карла I – это портрет во всех отношениях достойного человека, но неудачливого короля, то портрет Кромвеля – это портрет человека злонамеренного, но обладавшего сильным духом. Кларендон писал: «Несомненно, не было человека более злого или способного достигать своей цели низкими средствами, с презрением к религии и морали. Однако его злонамеренность, сколь велика она ни была, не достигла бы цели, без его сильного духа, удачных обстоятельств, проницательности и удивительной решительности»²⁹. Гайд не скрывал удивления, что Кромвель, сначала ни

²⁷ См.: Соколов, 2005.

²⁸ Firth. 1904. Part II. P. 253.

²⁹ Clarendon. V. VI. P. 92.

в малейшей степени не обладавший ни величием, ни умением вести разговор, никаким из талантов, привлекающих сторонников, вырос и, достигнув власти, продемонстрировал качества великого человека. Казалось, что он маскировал эти качества до того времени, пока не достиг своего поста. Кромвель сохранял приверженность закону, кроме тех случаев, когда это могло создать угрозу его власти; он предпочитал не вмешиваться в отношения между партиями. Гайд удивлялся тому, что он сумел добиться послушания «трех народов, которые сильно его ненавидели, сумел держать их в страхе и управлять ими при помощи армии, которая не была ему предана и хотела его падения. Но его величие дома было только тенью славы, которой он обладал за границей»³⁰. Характерно, что Кларендон не считал Кромвеля кровожадным человеком; он «целиком отвергал метод Макиавелли, предписывавший как вещь абсолютно необходимую при перемене правительства отрубить головы тех, кто были друзьями прежнего режима, и истребить их семьи». Гайд обладал точной информацией: совет офицеров не раз выступал за массовое убийство лиц королевской партии как необходимое средство для обеспечения безопасности новой власти, но Кромвель никогда с этим не соглашался, возможно, добавлял историк, из-за «слишком большого презрения к своим врагам». Гайд завершал характеристику Кромвеля следующими словами: «Итак, он обладал всеми теми низкими качествами, которые можно проклинать, и за которые уготовано гореть в аду, он же обладал и некоторыми достоинствами, ценящимися во все времена и остающимся в памяти. Будущие поколения увидят в нем храброго плохого человека»³¹. Согласимся: такое описание Кромвеля, олицетворяющего враждебную Кларендону Англию, можно в зависимости от симпатий или антипатий считать правдивым или далеким от правды, но назвать его односторонним вряд ли справедливо.

Оба портрета, Карла I и Кромвеля, возможно, не самые яркие в галерее кларендоновских портретов. Кромвеля Гайд близко не знал, да и знакомство их относилось к короткому начальному этапу деятельности Долгого парламента. О Карле он не смог бы писать критичнее, чем он сделал, даже если бы хотел, не только из прагматических целей, но и по этическим соображениям. Как бы то ни было, оба портрета отражают стремление Кларендона писать по справедливости.

В третьей части статьи Фирт прослеживал, как Кларендон завершил свой труд после получения текста первоначальной «Истории мятежа».

³⁰ Ibid. P. 94.

³¹ Ibid. P. 97.

Как отмечал Браунли, для Фирта соединение Кларендоном двух текстов стало настоящим «литературным преступлением». Фирт полагал, что разделы, посвященные годам эмиграции, большой ценности не представляют, особенно в части, относящейся к ситуации в Англии в годы протектората. У Кларендона не было источников, чтобы судить об этом, хотя тексты выступлений Кромвеля в парламенте, очевидно, были у него под рукой. Исключением, достоверной частью завершающих томов Фирт считал только описание вест-индской политики. Однако в последней книге «повествование становится более сильным и живым».

Касаясь обстоятельств Реставрации, Кларендон вообще не указывал на свою роль в ее организации. По мнению Фирта, он гораздо меньше других современников склонен отмечать и роль генерала Монка: «Не приписывая себе ничего, он приписывает Монку меньше, чем другие историки»³². В объяснении Реставрации Кларендон становился на позиции провиденциализма, считая это событие знаком, которым «Бог вряд ли удостаивал какой-то другой народ с тех пор, как он вывел свой избранный народ через Красное море». Фирт усматривал в таком взгляде на Реставрацию противоречие с оценкой причин революции, данной Кларендоном. «В изложении причин революции он преувеличивал значение личностных влияний, он слишком многое объяснял индивидуальными чертами отдельных людей: гордостью одних, угрюмостью других, амбициями третьих – будто разные атомы собрались вместе, чтобы вызвать массовые беспорядки. В рассказе о Реставрации его точка зрения поменялась. Теперь у него течение дел не определяют поступки людей. Любой индивидуальный актер, даже если ему кажется, что он направляет ход событий, в действительности – их порождение», – так Фирт характеризовал противоречия во взглядах Кларендона.

Объяснение Реставрации в контексте действительного или кажущегося противоречия в понимании роли личностей и божественного провидения определило одну из линий разногласий между историками. Кажется, что Кларендон сам удивлен той быстротой, с которой Реставрация свершилась. Еще в середине марта 1660 г. король «мог только воображать, но не ожидать, что поход генерала Монка с армией на Лондон произведет некоторые перемены, которые могут оказаться для него полезными»³³. Роялистам сначала не очень верилось в сообщение о том, что в Лондоне жгли фейерверки, пили за здоровье короля, открыто говорили о его возвращении. 1 мая были оглашены письма Карла парламенту и

³² *Firth*. 1904. Part III. P. 482.

³³ *Clarendon*. V. VI. P. 177.

Монку, а также Бредская декларация, и то, «как они были приняты, превосходило все ожидания и надежды. Все, что последовало потом, развивалось с той же скоростью»³⁴. Карл II высадился в Дувре 26 мая, провел день в Кентербери, затем в Рочестере, а 29 мая въехал в Лондон, и везде, от самого Дувра, людей было так много, что казалось: «встречать его собралось все королевство». «Ликование было таким невообразимым и всеобщим, – писал Кларендон, – что Его Величество сказал кому-то рядом, улыбаясь, что засомневался, не по его ли собственной вине он отсутствовал так долго». Далее следовал завершающий абзац сочинения, который, собственно и вызвал споры историков: «Таким замечательным образом и с такой удивительной быстротой в течение одного месяца (1 мая письмо было зачитано в парламенте, а 29 мая Его Величество был уже в Уайтхолле) Бог положил конец восстанию, которое бушевало почти двадцать лет со всеми ужасами отцеубийства, убийств и разорений. Огнем и мечом самые низкие люди в мире удерживали власть, опустошив два королевства, и почти стерев и изуродовав третье. И все же милостивая рука Господа за один месяц перевязала раны и даже сделала шрамы невидимыми, насколько возможно, учитывая их глубину. Если же кому-то потребуются другие славные доказательства этого благоволения, то потомство должно знать, что вскоре, с разницей в три или четыре месяца, умерли два фаворита двух корон, кардинал Мазарини и дон Луис де Гаро, с удивлением, если не со страданием от неожиданных наших благоприятных обстоятельств. Кажется, что всемогущий Бог устранил тот вред, который они могли принести Европе, соединившись, своими махинациями»³⁵.

Историк Р. Мак Гилливри полагал, что в противопоставлении понимания Кларендоном причин гражданской войны и Реставрации Фирт был не прав. Он предполагал, что в обоих случаях идея божественного вмешательства присутствовала в интерпретации Кларендона, только в начале восстания оно осуществлялось медленно, посредством, казалось бы, обычного действия причинности в обществе. В момент Реставрации это вмешательство произошло быстро, и «вторичные причины» оказались полностью и самым драматическим образом подчинены «божественной руке»³⁶. Рассматривая труд Кларендона в сравнении с сочинениями других современников о гражданской войне, Мак Гилливри ставил вопрос: в какой мере его можно считать оригинальным в своих подходах? Он полагал, что говорить об оригинальности Кларендона

³⁴ Ibid. P. 216.

³⁵ Ibid. P. 234.

³⁶ MacGillivray. P. 221.

сложно, поскольку судить можно только по сохранившимся письменным источникам, так как устная традиция утрачена. Нам не дано знать о характере обыденных представлений об эпохе гражданских войн и междоусобиц, какие ходили слухи, сплетни, какие разговоры велись. Мнение историка состоит в том, что читатели, ознакомившиеся с первым изданием труда Кларендона, вряд ли узнали из него много нового, вряд ли увидели новизну в его интерпретации событий. В то же время и они наверняка признавали, что ему удалось высветить многие вещи, которые у других авторов оставались в тени. Мак Гилливри полагал, что Кларендон «жадно подхватил существовавшие идеи, но как мыслитель он был традиционен и даже банален; при всей широте интересов и бесподобной способности к синтезу, он не был оригинальнее любого другого отставного государственного деятеля, принявшегося писать мемуары в появившееся у него свободное время»³⁷. Правда, историк тут же оговаривался, что он, возможно, ошибается, и в любом случае его слова не подрывают «высокого статуса» Кларендона. Будь тот оригинальнее, не стал бы, может быть, так знаменит в качестве великого историка.

Так же критичен к Кларендону английский историк Р. Хаттон. Признавая силу критики Фирта, он утверждал, что новые историографические данные об Английской революции позволяют ее усилить. Хаттон сосредоточил свою критику на тех страницах «Истории мятежа», которые прежде использовались историками для подтверждения тезиса о социальном характере конфликта, о социальном разделении общества в период гражданской войны³⁸. Он акцентировал внимание на трех описанных Кларендоном эпизодах: неудача маркиза Хертфорда в начале войны поднять на сторону короля графство Сомерсет; инцидент в Колфорде в феврале 1643 г., когда роялистский отряд под командованием лорда Херберта подвергся нападению «сброда», остановившего его продвижение, тогда как на деле это оказался отряд парламентской армии; нападение принца Руперта на Бирмингем месяцем позднее, в ходе которого погиб граф Денби (Denbigh). В последнем случае Кларендон заметил, что в сражениях роялисты теряли людей «высокого достоинства», тогда как парламентарии – простолудинов. В принципе, в «Истории мятежа» есть места, которые можно интерпретировать как свидетельства того, что автор не игнорировал социального характера противоречий, и

³⁷ Ibid. P. 224.

³⁸ Замечу попутно, что с таких же позиций сочинение Кларендона критиковал и представитель современной ревизионистской историографии Дж. Моррил, отвергавший тезис о классовом конфликте в эпоху гражданской войны.

смотрел на действия низов как на проявление ненависти к представителям дворянства. Например, он рассказывал, как в августе 1642 года простой народ («несомненно, по совету своих наставников») неожиданно напал на дом сэра Джона Лукаса, «одного из лучших джентльменов графства Эссекс, известного своей приверженностью королю». Под предлогом, что он отправляется к королю, у него разграбили дом, захватили коней, а сам он не был убит только благодаря заступничеству мэра Колчестера, и отправлен в тюрьму. Тогда «такой же сброд» ворвался в дом графини Риверс под предлогом, что она была католичкой, дом подвергся разграблению, самой ей с трудом удалось скрыться. Нанесенный ущерб составил сорок тысяч фунтов, и не был компенсирован парламентом³⁹. Попутно стоит заметить: автору «Истории мятежа» присущи негативное отношение к «толпе» и полное отсутствие интереса к аспектам социальной истории, отражавшим положение низов, и помощи бедным. Историк Дж. Моррил полагал, что примеры Кларендона не показательны; такого рода события были скорее исключением. Что касается Лукаса, то в этом случае, как и в ряде других, в основе преследования лежала не его приверженность делу короля, а противоречия с местным сообществом по поводу огораживаний⁴⁰.

Хаттон также интерпретирует такого рода эпизоды как намеренное искажение Кларендоном свидетельств источников для создания впечатления, что естественной опорой парламентариев были средние и низшие сословия. Мотивы Кларендона становятся понятны читателям, когда он приступает к описанию более поздних событий гражданской войны. Дело в том, что на командных постах в королевской армии дворян, представителей местной верхушки, заменяли профессионалы-военные. Контроль над армией получили принц Руперт и его окружение. Эта влиятельная партия при дворе находилась во враждебных отношениях с группировкой, к которой относился Гайд, и которая выступала за сохранение руководства войной за гражданскими лицами. В этой связи Хаттон заключал, что «История мятежа» «показывает эту враждебность со всей очевидностью, полностью выражая неприятие Руперта и его союзников. Само по себе это не беда: историк имеет право на антипатии, если это не ведет к фальсификации источников. Но Кларендон именно это и делает, что видно по его отношению к принцу Морису. У Мориса нет шанса заслужить от Кларендона доброго слова. Во-первых, он брат и сторонник Руперта. Во-вторых, он был в ссоре с другом Кларендона маркизом Хертфордом, и

³⁹ Clarendon. V. II. P. 318–319.

⁴⁰ Morrill. P. 363–364.

Кларендон был в нее вовлечен на стороне последнего. Не удивительно, что портрет Мориса в «Истории» злобно искажен»⁴¹.

Повторяя критику Фирта, Хаттон утверждал, что Кларендон был более всего несправедлив по отношению к Горингу и Гренвиллу, фактически возложив на них ответственность за поражение королевских сил на завершающем этапе первой гражданской войны. Хаттон опровергал обвинения в адрес Горинга, прозвучавшие в «Истории мятежа», в неумении наладить отношения с местной элитой, в интригах, в потере армейской дисциплины, даже в пьянстве. Вопреки утверждениям Гайда истинная причина поражения роялистов на западе, по мнению Хаттона, крылась в «нехватке ресурсов и невозможности получить их. Роялисты могли спасти только стратегические ошибки парламентариев, но они не были совершены. Роялисты оказались, как крысы в ловушке, и, как крысы, они стали кусать друг друга. Тем не менее, сила книги Кларендона такова, что до сих пор историки принимают его вердикт, что поражения можно было избежать, что оно было следствием раздоров между командирами»⁴². Общий вывод, сделанный Хаттоном об «Истории мятежа», звучит критично и сурово: «Историку гражданской войны жить с “Историей” Кларендона, как и обойтись без нее, невозможно. С одной стороны, это целая система положений, вводящих в заблуждение. Тем, кто утверждает, что дидактическая природа “Истории” в какой-то мере оправдывает отношение к правде, можно по справедливости ответить: если изображение событий ложно, то такими же будут уроки, из них извлеченные. С другой стороны, этот труд включает столько фактов и мнений, он написан блестящим стилем человеком, игравшим ведущую роль в описываемых событиях, поэтому его невозможно игнорировать. Ответ состоит в том, что “История” должна быть не первым, а последним источником по данному вопросу, используемым тогда, когда все другие современные свидетельства исследованы. Только таким образом роялистское дело может быть спасено от вреда, нанесенного его репутации одним из его самых великих друзей»⁴³.

Наряду с «критической» по отношению к Кларендону школой либеральных историков в середине XX в. сформировалась консервативная школа, представители которой выражали несогласие с концепцией Гардинера и Фирта и подчеркивали как достоверность «Истории мятежа» (хотя нюансы имели место), так и важность той роли, которую ее автор

⁴¹ Hutton. 1982. P. 76.

⁴² Ibid. P. 87.

⁴³ Ibid. P. 88.

сыграл в английской истории. Здесь важно отметить впервые опубликованный в 1951 г. труд кембриджского профессора Б. Уормолда «Кларендон: политика, история и религия, 1640–1660», переиздававшийся в 1976 г. в США и в 1989 г. в Англии. Этот труд сравнивали со знаменитой содержащейся в ней критикой либеральной историографии книгой Г. Баттерфилда «Вигская интерпретация истории» (1931). Сам Уормолд видел истоки своей концепции в «Истории Англии» Дэвида Юма. Он считал, что Кларендон, и Юм были людьми со схожими принципами, важнейшими для них были полномочия властей и свобода. В предисловии к изданию 1976 года английский историк приводил высказывание Юма о том, что Кларендон «всегда был другом свободы и конституции», и никогда «ни обида, ни благодарность, ни амбиции не влияли на его неподкупный разум»⁴⁴. Одно из критических замечаний в адрес либеральных историков проистекало, по мнению Уормолда, из их ошибочного анализа «Истории мятежа» и автобиографии как источника для понимания взглядов Кларендона. Он писал: «Интерпретация Гардинера и Фирта в большой мере строится на заключении, что эти произведения сами по себе ключ к его концепции и прошлым политическим действиям. Из этого вытекает их следующее заключение, будто его мнения и цели не претерпели никакого развития, а были постоянными на протяжении всей жизни, и что опыт пережитых им событий не влиял на его взгляды. Такую картину создают “История” и “Жизнь”. Но такая картина, в сущности, невозможна»⁴⁵. Высокую оценку Кларендону как политику и как историку дал известнейший консервативный историк Х. Тревор-Ропер в лекции, прочитанной в Оксфорде в декабре 1974 г. ода в ознаменование трехсотлетия со дня его смерти.

«Защитительный» характер имеет работа американского историка Р. Харриса, прямо вступившего в полемику с Хаттоном по поводу упоминавшихся выше трех эпизодов, якобы доказывающих предвзятость Кларендона. Харрис признавал, что исследования современных историков показали: социальное деление в годы гражданской войны не может приниматься однозначно; разделились многие семьи; кроме того, Кларендон, скорее всего, недооценивал распространенность в стране настроений нейтралитета. Тем не менее, в словах Гайда отразилась точка зрения, которая встречается и у других современников, включая Кромвеля. Относительно событий в Колфорде Харрис писал, что воспринимать слова историка можно, учитывая конкретную ситуацию – убийство

⁴⁴ *Wormald.* 1989. P. XXXII.

⁴⁵ *Ibid.* P. 3.

полковника Лоули и его офицеров, служивших у Херберта. Термин “country people” имел уничижительный смысл, но не говорит о предвзятости Гайда. Можно признать, что он допускал неточности в описании военных действий на юго-западе и был не совсем справедлив по отношению к Горингу и Гренвиллу, но не стоит забывать, что он сам защищался от их обвинений в адрес членов совета принца Чарльза. Гайду было еще сложнее писать о военных действиях в центре и на севере страны, но он стремился получить первичные свидетельства об этих событиях. Когда такого рода данные у него имелись (например, текст Хоптона), он был точен в деталях. Хотя в чем-то с Хаттоном можно согласиться, «но никак не с его обвинением, будто книга Кларендона – «замечательная коллекция положений, требующих опровержения», что это – «ложный портрет событий»⁴⁶.

Критику Кларендона представителями либеральной историографии XIX века Г. Галламом и С. Гардинером Харрис объяснял их предвзятостью, их уверенностью в том, что только парламент был правой стороной в конфликте, их нежеланием тратить время на другую сторону. Харрис напоминал суждение Гардинера о Кларендоне как о «посредственном государственном деятеле», чьи взгляды были основаны на «отрицании». Вигские историки были неспособны признать в Кларендоне автора новой теории «смешанной монархии», которая предполагала, что король должен вернуться к конституционным основам, сохранив законную власть, но при уважении прав парламента. Поэтому Гайд не хотел полной победы ни той, ни другой стороны⁴⁷. Харрис писал о несогласии с упоминавшимся ранее тезисом Фирта об «очевидном противоречии» между признанием Кларендоном роли индивидов в начале его труда и оценкой роли божественного провидения в конце. Харрис разъяснял, что тот придерживался арминьянского учения о свободе выбора, в соответствии с которым у людей есть свобода действия, но им, несомненно, придется платить за нарушение требований морали. Таким образом, Реставрация была не столько следствием усилий и действий роялистов, сколько результатом разложения протектората, то есть своего рода платой за грехи участников революции. Именно в таком контексте Харрис разъяснял слова Кларендона о Монке, который «был инструментом того, что могло произойти, не имея ни мудрости, чтобы это предвидеть, ни мужества, чтобы это совершить, ни понимания, чтобы это устроить». Именно этим и объясняется тот, на первый взгляд, не

⁴⁶ Harris. 1982. P. 396–397.

⁴⁷ Ibid. P. 397–398.

очень понятный факт, почему в «Истории» Кларендон вообще ни словом не упомянул о своей роли в Реставрации⁴⁸.

Р. Оллард отмечал значение «блестящей» работы Уормолда, доказавшего несправедливость суждения Фирта, будто бы «заслуги Кларендона-историка проистекают из его недостатков как мыслителя». Напротив, он глубок и индивидуален в стремлении понять причины и ход исторического процесса. Даже «История мятежа», в которой он более всего стремился к объективности, «не стала убежищем безличных глаголов, пассивного залога, дистиллированной воды – всего того, чем современные исследователи пытаются очиститься от порока человечности. Как для большинства современников, исторический процесс для Кларендона ассоциировался с божественной волей, к которой он и в самом деле часто взывает; но у читателя нет сомнения в личности и разуме того, кто обращается к ней»⁴⁹.

Оллард счел нужным специально остановиться на критике концепции Кларендона крупнейшим либеральным историком С. Гардинером, стоявшим на таких же методологических и идеологических позициях, что и Фирт. Касаясь уже затрагивавшейся темы причин революции и факторов исторического процесса, Оллард писал: «Если Кларендон был прав и гражданская война с ее последствиями: казнью короля, военной диктатурой Кромвелля, не были неизбежными отклонениями – взгляд Гардинера на эти события лишается драматизма и яркости. Текст Кларендона призван подтверждать постоянно: война не была неизбежной в том смысле, что несчастливые обстоятельства, дурные поступки и глупость разрушили преобладавшую вероятность договориться. Из этих обстоятельств наихудшим и самым глупым был роспуск Короткого парламента, что зависело от людей, влиявших на короля тогда, и от того, чем они руководствовались. Он не оставлял сомнения в том, что члены этого парламента были в гораздо большей степени, чем те, кто за ними непосредственно последовал, готовы добиться реформ и конституционной законности, что они были более преданы королю, чем придворные. Возможно, он был неправ. Возможно, представители многих исторических школ будут стоять на том, что причинность событий нельзя грубо связывать с поступками и целями индивидов, а надо искать ее в слепых безличных силах, будто в движении звезд. Но даже если мы не принимаем такие объяснения – а Гардинер, безусловно, не принимал – прежде чем отвергать интерпретацию Кларендона, надо помнить, что он знал людей, о которых писал, и

⁴⁸ Ibid. P. 394–395.

⁴⁹ Ollard. 1988. P. 330–331.

присутствовал в сценах, которые описывал»⁵⁰. Кларендон считал, что компромисс и соглашение давали Короткому парламенту шанс предотвратить гражданскую войну; Гардинер считал иначе. Явно не симпатизируя взглядам Гардинера, Оллард ссылаясь на Конрада Рассела, показавшего, что лежало в основе его концепции. В эпоху Ч. Дарвина Гардинер рассматривал прошлое в эволюционной перспективе, и воплощение ее видел в парламенте. К этому добавлялась подспудно гордость от собственного происхождения: Гардинер был прямым потомком Кромвеля.

М. Браунли в духе «лингвистического поворота» уделил больше внимания, чем другие историки, особенностям литературного стиля Кларендона. Избегая апологетики, этот американский историк писал, что, несмотря на слабости, присущие историографии того времени и трудности своего собственного положения, «Гайду удалось создать структурированный исторический синтез анналов, мемуаров, полемики и апологии в работе, которая являлась величайшей, возможно, единственной литературной историографией в Англии XVII века»⁵¹. «История мятежа» не объективна, она содержит оценки, отражавшие приверженность роялистской партии, которую Кларендон считал более правой в конфликте, чем парламентарии; он давал описание событий так, как он их понимал. Тем не менее, он избрал не тот способ защиты, «которого желал Карл I, поощривший своего советника к написанию. Устремления Гайда определялись его приверженностью к исторической правде и верой в то, что история должна давать урок. Он с болью признавал, что роялисты допустили много ошибок, и считал, что часть его обязательств как историка состоит в том, чтобы назвать и проанализировать эти ошибки. Более того, он верил, что его партия преуспеет в будущем, только если извлечет уроки из прошлого, и он был готов обучать. Он не жалел никого»⁵².

Чем написанная Кларендоном «История мятежа» могла не понравиться Карлу I? Вероятно, прежде всего, тем, как Гайд объяснял причины гражданской смуты. Ее истоки он видел в первых годах царствования Карла I: «Чтобы открыть, где был вход в эти печальные обстоятельства, я никого не поведу в этом путешествии дальше, чем к началу правления этого короля. Я не настолько зрячий, как те, кто различает, что восстание происходит от времени смерти королевы Елизаветы, если не раньше, и разжигалось несколькими правителями и великими государственными министрами христианского мира, пока оно

⁵⁰ Ibid. P. 51–52.

⁵¹ Brownley. 1985. P. 18.

⁵² Ibid. P. 21.

не вспыхнуло. Я не заглядываю так далеко, чтобы обнаружить замысел к восстанию». Свою задачу он видел в том, чтобы «наблюдать нравы, настроения и привычки двора и страны в то время, различать взгляды людей, одни из которых были готовы что-то делать, другие терпеть; все, что с того времени произошло: гордость этого человека и популярность другого, легкомыслие одних и угрюмость других; излишества двора в условиях величайшей нужды и экономия и бережливость страны в величайшем избытке; дух искусства и утонченности некоторых и грубая и невежливая прямота у других, доходящая до презрения к мастерству и искусству; будто так много атомов соединилось, чтобы породить беспорядок, который мы сейчас переживаем»⁵³.

Трудно не заметить, что отрицание Кларендоном долговременных предпосылок революции корреспондирует с идеями представителей современного ревизионистского направления в британской историографии. Суть этого подхода Конрад Рассел выразил следующим образом: чтобы ответить на вопрос, что в 1642 г. привело к гражданской войне, нет надобности в рассмотрении долгой истории отношений между королями и парламентами; надо решить, почему собравшиеся в ноябре 1640 г. депутаты Долгого парламента и в страшном сне не могли представить, что будут воевать против своего короля, но уже через несколько месяцев оказались в состоянии войны с ним. Ответ можно найти путем анализа конкретных обстоятельств, личных и групповых интересов, обнаружившихся в первые недели и месяцы революции. Но ведь это и есть та самая идея, которую отстаивал Кларендон. Например, у Рассела можно прочесть, что рассмотрение «приближения гражданской войны как некоего отдельного события является «логическим заблуждением», тогда как на самом деле «это была некоторым образом непредсказуемая последовательность произошедших и не произошедших событий (non-events). Поскольку война была не просто результатом этих событий и не-событий, но и того порядка, в котором они расположились, затруднительно выстроить организованную последовательность долговременных причин, приведших к тому, что король поднял свой штандарт в Ноттингеме. Тем не менее, если мы задумаемся об объяснении последовательности событий, то, вероятно, придем к открытию, что разные события в этой последовательности имели и разные причины»⁵⁴.

В методологическом отношении ревизионисты близки Кларендону в том, что видят истоки исторических событий не в законах, носивших

⁵³ *Clarendon*. V. I. P. 3–4.

⁵⁴ *Russel*. 1990. P. 10.

долговременный характер, а в конкретных, даже случайных обстоятельствах, в позициях и амбициях отдельных людей. Как и Кларендон, Рассел и другие историки-ревизионисты отстаивают мысль о том, что настоящим толчком для конфликта стала политика Карла I в Шотландии, внедрение англиканского молитвенника. О такой связи концепции Кларендона и идей историков-ревизионистов и напомнил Р. Оллард.

Разумеется, не все историки, которых принято относить к ревизионистскому направлению, одинаково оценивают значимость сочинения Кларендона. Так, Джон Моррил обвинял историка Б. Мэннинга, что для подтверждения своей концепции о классовом характере революционного конфликта тот некритически и часто цитировал Кларендона и других «хронистов». Между тем, «Кларендон, в особенности, так часто демонстративно неправ в изображении фактов и в преследовании особых целей в написании своих трудов, в изображении хода революции, в желании заставить поверить в его объяснение, что его нельзя назвать искренним и проникательным наблюдателем»⁵⁵. Кажется, что эти слова вполне могли принадлежать Фирту или Хаттону. В то же время у Рассела есть такой пример: «в связи с епитимьей недоверия» по отношению к свидетельствам Кларендона считалось, что его сообщение о пребывании в Шотландии Натаниэля Финнса (Fiennes) в 1639 г. не соответствовало действительности. Однако недавнее архивное исследование одного историка показало: Кларендон был прав, память его не подвела⁵⁶.

Конечно, концепция ревизионистских историков не является простым повторением Кларендона; между ними есть большие отличия: во-первых, это относится к оценкам политики Карла I в годы, предшествовавшие конфликту; во-вторых, к личности самого короля. Кларендон осуждал «резкие и недостойные» роспуски первых парламентов Карла I (ропуск первого парламента ставился в вину Бэкингэму, второго – Уэстону) и склонялся к более критичной оценке действий королевской администрации и положения страны в условиях правления без парламента в 1629–1640-м годах, чем это видно в работах историков ревизионистского направления. В свою очередь они гораздо критичнее к королю Карлу, чем мог позволить себе Кларендон. По его мнению, из всех решений, осуществленных в отсутствие парламента, доход в королевскую казну давали только корабельные деньги, но «это слово надолго останется в памяти королевства». Чтобы подкрепить эти «экстраординарные меры», Звездная палата и Высокая комиссия (Council-table)

⁵⁵ Morrill. 1993. P. 216.

⁵⁶ Russel. 1990. P. 28.

преследовали любое неповиновение, никогда прежде критика актов или неуважение к государственным персонам не вели к наказаниям. Все люди, ценившие свою безопасность, не могли не чувствовать, что она подвергается разрушению. Кларендон замечал: «Я снова должен воспользоваться правом, чтобы сказать: обстоятельства и преследования во всех этих новых экстраординарных случаях, уловки и обложения, были неблагоразумными и разрушительными даже для того, чему они должны были служить»⁵⁷. Заметим, что эта часть концепции Кларендона, содержащая критику политики Карла I в дореволюционные годы, ближе всего к либерально-вигской интерпретации причин Английской революции. Не потому ли она не вызвала особой критики у Фирта?

Возвращаясь к Браунли, отметим, что он не согласен с Фиртом в плане противопоставления «Истории мятежа» и автобиографии; по его мнению, в них преобладают общие черты, проистекающие, прежде всего, из стремления сохранить память об участниках великих и трагических событий, особенно о тех, кто погиб, сражаясь за ту или другую сторону. В духе своего времени Кларендон избегал излишеств риторики и искусственной драматичности и предпочитал простой, «утилитарный» стиль. Согласно Браунли, богатый идеологический и психологический контекст событий создавался автором умелым балансированием между дискурсом и рассказом, путем структурирования нарратива как совокупности диалектических и личностных конфликтов. Браунли отмечал: «Историю мятежа» делает произведением искусства сила воображения автора, придающая описываемым событиям и тематическим разделам смысловую ценность. Собственный опыт и опыт других людей, внимательный анализ документов и свидетельств позволили создать «комплексную концепцию того, что было для него истинной сущностью гражданских войн и их значения в истории английской нации»⁵⁸.

В заключение отметим, что анализ главного сочинения Кларендона актуален не только в плане углубления представлений о его взглядах или оценивания тех или иных деятелей и событий Английской революции, но и в современном методологическом и историографическом контексте. Действительно ли сформулированный в XIX веке принцип историзма, объясняющий ход истории действием «объективных» сил, должен оставаться «священной коровой» и табуированным для критики? Как видим, обсуждение исторических взглядов Кларендона связано с этой проблемой напрямую.

⁵⁷ Clarendon. V. I. P. 86.

⁵⁸ Ibid. P. 64.

Актуализирован в современном контексте и вопрос об истории как инструменте «социального научения». Извлекаемы ли из истории уроки, которые так хотел передать потомству Кларендон, или были правы его позитивистские критики, видевшие в этом стремлении «ахиллесову пяту» истории, исключаящую «истинно научный» подход? Может ли в принципе существовать история, свободная от дидактических функций? Что лежит в основе эволюции взглядов на труд Кларендона в историографии? Чем объяснить очевидную актуализацию определенных пластов исторического знания в отличном от первоначального историографическом контексте, как это произошло с Кларендоном в современной ревизионистской историографии, по меньшей мере, в определенном ее спектре? Какова, наконец, та мера воображения, которая не только допустима, но и необходима в творчестве историка, придавшая, по выражению Браунли, книге Кларендона смысловую законченность, а его самого поставившая в ряд самых великих историков прошлого?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Brownley M.W.* Clarendon and the Rhetoric of Historical Form. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985.
- Burdon W.* Materials For Thinking. L.: Effingham, 1820.
- (*Clarendon*) The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, By Edward, Earl of Clarendon / Ed. by W. Dunn Macray. In 6 volumes. Oxford: University Press, 1969. (В сносках: Clarendon).
- (*Clarendon*) Edward Hyde, First Lord of Clarendon. Selections From the History of Rebellion and Civil Wars and Life of Himself / Ed. by G. Huehn. Oxford: University Press, 1968. (В сносках: Clarendon. Selections).
- Firth C.H.* Clarendon's History of Rebellion // English Historical Review. 1904. V. XIX: Part I: LXXIII. P. 26–54; Part II: LXXIV. P. 246–262; Part III: LXXV. P. 464–483.
- Harris R.W.* Clarendon and the English Revolution. L.: Chatto and Windus, 1982.
- Hutton R.* Clarendon's History of Rebellion // English Historical Review. 1982. January. V. XCVII. Issue CCCLXXXII.
- MacGillivray R.C.* Restoration Historians and the English Civil War. Hague: Martinus-Nijhoff, 1974.
- Morrill J.* The Nature of the English Revolution. L.: Longman, 1993.
- Ollard R.* Clarendon and His Friends. Oxford: University Press, 1988.
- Russell C.* The Causes of the English Civil War. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Wormald Br.* Clarendon: Politics, History and Religion 1640–1660. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: МГУ, 1967.
- Олар А.* Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804). М. 1902.
- Соколов А.Б.* Карл I Стюарт // Вопросы истории. 2005. № 12.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru